

ИЗ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Япония: философская мысль и культура в национальной традиции

Посвящается году Японии в России

Японская философия: подходы к пониманию

Л.Б. Карелова

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-7-22

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

С возрастанием роли азиатских стран в современном мире их философские традиции привлекают к себе все большее внимание. Благодаря этому достигается более полная панорамная картина развития мировой философии в целом, приходит понимание того, что любые конструкции человеческого разума, возникшие в конкретном культурном поле опыта, не могут рассматриваться как эталонные и абсолютные. Существующие исследования азиатских философий в большинстве своем сосредоточены на изучении текстов отдельных мыслителей и, как правило, не ставят задач рассмотрения их с точки зрения межкультурных взаимодействий, трансформаций значимых идей и концепций в различных культурно-исторических контекстах, определения направленности и изучения механизмов культурных заимствований, а также выявления новых подходов и точек роста. Для решения этих задач особое значение имеет проблема самоопределения и развития философии как самостоятельной науки в незападных культурах, в основе которых лежат отличные от античной и иудео-христианской интеллектуальные традиции. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных тем, проясняющих особенности развития философской науки в Японии, в том числе истории появления понятия «философия» в этой стране, определению ее предмета, формированию философской терминологии, различных интерпретаций смысла словосочетания «японская философия». Специальное внимание уделяется характеристике основных периодов развития японской философской мысли. В заключении автор в качестве важнейшей отличительной

черты японской философии выделяет ее вовлеченность в межкультурный диалог на протяжении всей истории ее существования.

Ключевые слова: японская философия, западная философия, культура, Ниси Аманэ, Иноуэ Энрё, Иноуэ Тэцудзиро.

Карелова Любовь Борисовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора восточных философий Института философии РАН.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Цитирование: *Карелова Л.Б.* (2018) Японская философия: подходы к пониманию // *Философские науки*. 2018. № 8. С. 7–22.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-7-22

Japanese Philosophy: Approaches to a Proper Understanding

L.B. Karelova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-7-22

Original research paper

Summary

Since the role of the Asian countries is increasing in the modern world, their philosophical traditions attract more and more attention. Due to this trend, a more complete panoramic view of the development of world philosophy as a whole is accessible, and it has become possible to understand that any constructions of the human mind that have arisen in a particular cultural field of experience cannot be regarded as exemplary and absolute. The researchers of Asian philosophies concentrate mostly on studying the texts of individual thinkers. As a rule, they do not set themselves the task of examining these texts from the point of view of intercultural interactions and transformations of significant ideas and concepts in various cultural and historical contexts, defining the direction and mechanisms of cultural borrowing, as well as revealing new approaches and growth points. To achieve these goals, the research should focus at the problem of the self-determination and development of philosophy as a separate science in non-Western cultures, which are based on intellectual traditions with different origin than Greek and Judeo-Christian traditions. This article deals with the consideration of some topics that elucidate the features of the development of philosophical science in Japan, including the emergence of the concept of “philosophy” in this country, the definition of its subject, the formation of philosophical ter-

minology, and various interpretations of what the term “Japanese philosophy” means. The author pays special attention to the characteristic of the main periods of progress of Japanese philosophical thought. In the conclusion, the author argues that the most important characteristic feature of the Japanese philosophy is its involvement in intercultural dialogue throughout its history.

Keywords: Japanese philosophy, Western philosophy, culture, Nishi Amane, Inoue Enryo, Inoue Tetsujiro.

Liubov Karelova – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

lbkarelova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8207-801X>

Citation: Karelova L.B. (2018) Japanese Philosophy: Approaches to a Proper Understanding. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 8, pp. 7–22.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-8-7-22

Введение

До недавнего времени как философское наследие, так и современная философская литература Японии были мало знакомы широкому читателю в силу отсутствия достаточного количества переводов на западные языки, а также существования европоцентристских установок, ставящих под сомнение значимость западных философских традиций, рассматривая их как «предфилософию». Расширение межкультурного философского диалога, проведение международных конференций и реализация грандиозных проектов по изданию японской философской классики в последние годы привели к кардинальным переменам. Последним выдающимся достижением в плане расширения источниковедческой базы японской философии стало издание на английском и испанском языках онтологии «Japanese Philosophy: A Sourcebook», охватывающей практически всю историю японской мысли вплоть до сегодняшнего дня [Heisig, Kasulis, Maraldo (eds.) 2011].

Во многих западных университетах читаются курсы по японской философии. О глубине и качестве этих курсов можно судить, например, по сборнику статей, написанных на основе материалов международной конференции исследователей и преподавателей японской философии как академической дисциплины, прошедшей в Тайбее в 2016 г. [Cheung, Lam (eds.) 2017].

Тем не менее само понятие «японская философия» до сих пор имеет разночтения – в отличие от понятий «индийская филосо-

фия» или «китайская философия». И если зарубежные, в том числе и российские, исследователи японской философии как правило принимают за аксиому то, что философское мышление универсально и в той или иной мере присуще всем культурам, то в самой Японии существовало и продолжает существовать неоднозначное отношение к собственному интеллектуальному наследию.

Японская философия: проблема самоопределения

В редакторском предисловии к изданию «Japanese Philosophy: A Sourcebook» авторы выделяют четыре различных подхода к пониманию термина «философия», существующие в Японии применительно к собственной культуре [Heisig, Kasulis, Maraldo (eds.) 2011, 20–23].

Первый смысл предполагает, что философия есть чисто западное явление, и что в Японии никогда не было собственной философии (это понимание поддерживается некоторыми «профессиональными философами на академических позициях, которые работают над исследованием текстов Платона, Канта, Хайдеггера, Джеймса, Бергсона, Рорти, Дерриды» и т.д.). Второй смысл заключается в том, что в классической японской философии можно найти философскую традицию, т.е. в ней формулировались свои проблемы и ставились фундаментальные вопросы, сопоставимые с западной философией. Третий смысл заключается в том, что философские методы и темы в основном являются западными по происхождению, но они могут быть применены к домодернистскому, дозападному японскому мышлению. Четвертый смысл предполагает считать японской философией совокупность идей, выходящих за рамки как восточной, так и западной философских традиций и представляющих собой оригинальный вклад Японии в мировую философию (наиболее ярким примером является учение Нисиды Китаро).

Можно предположить, что эта особенность самовосприятия имеет следующие исторические предпосылки.

До появления и вхождения в обиход понятия «философия» (*тэцугаку*, 哲学), представляющего собой перевод древнегреческого слова *φιλοσοφία*, в Японии до второй половины XIX в. (как и во многих других азиатских странах) не было аналога данному слову, хотя и имели место своеобразные формы философской рефлексии. Для обозначения этих форм существовали такие пришедшие еще из Древнего Китая широкие понятия как

«путь» (道, 道), «врата учения» или «основы учения» (гакумон, 学門), подразумевающие не только набор идей и принципов, но и практическое знание, жизненную мудрость. Понятие «путь» применялось как к буддийским и конфуцианским учениям, так и к различным традиционным искусствам, в том числе и боевым, которые, как правило, имели мировоззренческую составляющую. Слово «врата учения» (гакумон) использовалось в отношении неоконфуцианских учений на протяжении периода Токугава (1603–1868) и вплоть до начала периода Мэйдзи (1868–1912). Оно предполагало ориентацию на общественную пользу и включало программу самосовершенствования, состоящую из духовной практики, толкования классических текстов и воплощения в повседневной жизни идей и норм, предписываемых этими текстами. В период Токугава также вошло в обиход понятие «наука» или «учение» (гаку, 学), которое стало употребляться для обозначения отдельных школ, интеллектуальных направлений и доктрин [например, «учение Чжу Си» (сюсигаку), «учение о сердце-сознании» (сингаку)].

Когда понятие гаку использовалось применительно к школам, в этом случае оно также обозначало не только определенную сумму знаний, но и способы их трансляции, полемику с другими школами, традиции, образ жизни. Однако к периоду Мэйдзи это понятие чаще стало употребляться как родовое наименование конкретных областей научного знания (математика – сугаку, медицина – игаку) и т.п.

Каждая новая наука, перенимаемая японцами с Запада, относилась ими к разряду наук гаку или искусств дзюцу и никогда не воспринималась как «путь».

Парадигма заимствования необходимых для развития страны знаний извне была выработана японцами еще в IX в. и получила выражение в известном лозунге «японский дух – китайские умения» (вакон-кансай), приписываемом политическому деятелю и поэту Сугаваре Митидзанэ (845–903). Во второй половине XIX в., когда возникла необходимость скорейшей модернизации страны, невозможной без усвоения достижений западноевропейской цивилизации, этот лозунг был переформулирован по-новому: «японский дух – западные умения» (вакон-ёсай). В обоих случаях заимствованные знания выступали как нечто технически необходимое, но не заменяющее собственную духовную традицию.

Западная философия стала известна японцам позднее других наук и воспринималась как часть западной системы знаний и научно-технических достижений, необходимых для укрепления конкурентоспособности страны. Вместе с тем мировоззренческие установки японцев принципиально отличались от основоположений западной философии Нового времени.

В период после Второй мировой войны довольно длительное время сохранялось негативное отношение к отечественной духовной традиции как к идейной основе японского национализма, поэтому в университетах курсы по истории философии включали в себя в основном историю западных философских учений.

Появление понятия «философия» в Японии

Понятие «философия» в Японии впервые было введено в употребление примерно в 1861–1862 гг. одним из японских просветителей Ниси Аманэ (1829–1897), изучавшим философию наряду с другими западными науками в Лейденском университете в Голландии с 1863 по 1865 гг. Японское слово *тэцугаку* возникло как перевод греческого слова «философия». Первые случаи его употребления фигурируют в его письмах и личных записях еще до отъезда за границу [Kanayama 2017, 171–174]. Изначально это была транскрипция, затем буквальный перевод, дословно обозначавший «науку о любви к мудрости» (希哲学 *китэцугаку*), который впоследствии принял сокращенную форму 哲学 *тэцугаку* – «науки о мудрости».

Определение философии как науки и ее предмета в разных текстах Ниси Аманэ варьировалось. В письме, адресованном Мацуока Риндзиро, от 1862 г. он писал, что философия так же, как и конфуцианское учение, занимается исследованием природы человека и принципов мироздания, а также экономикой, и в чем-то более совершенна, чем конфуцианство [Ниси 1960, 8]. В небольшом сочинении «Введение в проблемы» («Кайдаймон»), написанном во время пребывания за границей, он утверждает, что «конфуцианство на Востоке и философия на Западе одинаково разъясняют “путь Неба”», и устанавливают конечные основания человеческого существования [Ниси 1960, 19–24]. В другом тексте под названием «Ответ одному человеку» («Фукубоси») Ниси Аманэ делает важное заявление о том, что путь Конфуция и Мэнцзы есть почти то же самое, что и западная философия, поскольку они исходят из принципа, определяющего человеческое бытие, который един во

всем мире [Ниси 1960, 291–308]. Именно смысловые компоненты неоконфуцианской терминологии легли в основу его переводов на японский язык терминов западной философии.

В трактате «Сто и одна новая теория» («Хяку ити синрон») (1974) он дает такое определение философии: «Я называю философией и перевожу как *тэцугаку* рассуждение о всех вещах с точки зрения принципов сознания (*синри*, 心理), которое разъясняет путь Неба и путь человека, устанавливает методы учения и существует на Западе еще с древних времен. Я говорю, что сто учений становятся одним, и это учение – философия... Для того, чтобы исследовать сто учений и выяснить, что они сводятся к одному, вам нужно иметь очень возвышенную точку зрения и смотреть на них сверху вниз» [Ниси 1960, 290].

Философия была представлена Ниси Аманэ в контексте классификации областей научного знания, предпринятой им в энциклопедическом труде «Система ста наук» («Хякугаку рэнкан») (1870). В целом предложенная им классификация наук включала две большие части – общие науки (*фуцугаку*) и частные науки (*сюбэцугаку*). Философия была отнесена им к группе гуманитарных наук, входящей в раздел частных наук наряду с теологией (*синригаку*), политической наукой (*сэйдзигаку*), юридической наукой (*хогаку*), политической экономией (*сэйсангаку*), статистикой (*кэйсигаку*). Согласно логике Ниси, общие науки, такие как история, география, литература и математика, универсальны и известны всем цивилизациям [Navens 1970, 92–94].

Описание философии как науки в «Системе ста наук» фактически было первым опытом изложения западных философских учений в Японии. Этими первыми философскими учениями, с которыми ознакомился Ниси Аманэ, были учения Огюста Конта и Джона Милля.

Иноуэ Энрё (1858–1919) также был одним из первых японских ученых, давших свое определение философии как самостоятельной науки. В своей работе «Новая философская теория» («Тэцугаку синан») он писал, что философия представляет собой «обобщенный взгляд» в отличие от взгляда других наук [Иноуэ 1987, 355–401].

Когда философия как наука стала изучаться в Японии, японские ученые получали представления об истории философии, знакомясь в частности с книгами французского позитивиста Альфреда Фуллье и немецкого философа Фридриха Ибервега, которые

содержали параграфы по философии Индии, Китая, Персии и т.д. Эти авторы рассматривали восточную философию как наивную философию древности, но тем не менее они признавали наличие философии в Китае и Индии. Благодаря этому по аналогии японские ученые начали применять понятие философии и к японской мысли [Shirai, 2016].

Иноуэ Энрѳ в своей программной статье в первом номере «Журнала философского общества» рассматривает философию как фундамент для развития других наук, необходимый для успешной модернизации Японии. При этом он подчеркивает важность изучения и переосмысления национальной философии, ставя ее в один ряд с западной философией. В частности, он пишет: «Особенно стыдно, что на Востоке мы имеем различные традиции философской мысли, а на Западе с ними еще не знакомы. На Востоке можно обнаружить новые идеи. Если мы будем изучать их и сравнивать наши открытия с западной мыслью, если, следуя таким путем, мы будем отбирать лучшие идеи из обеих традиций и создавать новую философию, это не только сделает нам честь, но и станет предметом гордости для всей нашей страны» [цит. по: Yusa 2014, 179].

Восприятие японской интеллектуальной традиции как философии было четко артикулировано и Иноуэ Тэцудзиро (1855–1944), который читал в Токийском университете курсы лекций по восточной философии. В названиях его трех книг, посвященных конфуцианским школам, присутствует слово «философия» – «Философия японской школы Ван Янмина» («Нихон ѳмэйгакухано тэцугаку») (1900), «Философия японской школы древней науки» («Нихон когакухано тэцугаку») (1902), «Философия японской школы Чжу Си» («Нихон сюсигакухано тэцугаку») (1906).

Вместе с тем всегда существовал и противоположный подход, согласно которому в Японии никогда не было и нет философии. Его выразил в 1901 г. другой японский мыслитель Накаэ Тѳмин (1847–1901). В своей работе «Полтора года» («Итинэн юхан») он аргументировал свое заявление тем, что такие ученые, как Мотоори Норинага (1730–1801) и Хирата Ацутанѳ (1776–1843), посвятили себя исследованию древней японской традиции, Ито Дзинсай (1627–1705) и Огю Сорай (1666–1728) оставались конфуцианцами, хотя им и принадлежат определенные новые идеи; среди буддийских монахов были те, кто создавал новые школы, однако они не выходили за рамки религии, а мыслители периода

Мэйдзи, такие как Като Хироюки (1836–1916) и Иноуэ Тэцудзиро, хотя и называли себя философами, на самом деле были всего лишь эклектиками, заимствовавшими различные западные теории, чего, по его мнению, было «недостаточно для того, чтобы называться философами» [Накаэ 1970, 378–379]. В результате для обозначения японских мировоззренческих учений в конце периода Мэйдзи вошло в обиход употребление слова «мышление» или «мысль» (*сисо*, 思想). Это название широко распространено и сегодня в отношении традиционных японских учений, существовавших до периода Мэйдзи.

Краткий экскурс в историю развития японской философии может продемонстрировать, что каждый из приведенных вначале подходов к ее пониманию, за исключением первого, соответствует лишь отдельному периоду ее становления.

Основные периоды развития философской мысли в Японии

В качестве основных периодов истории философии в Японии можно выделить следующие: 1) развитие философской мысли в рамках буддийских, конфуцианских, синкретических и синтоистских школ, а также школ различных традиционных искусств; 2) знакомство с западной философией и критическое переосмысление национальной духовной традиции с точки зрения проблематики и методологии западной философии; 3) широкий философский диалог с позиции ценностей и смыслов собственной культуры.

Первый этап. Хронологически первый этап охватывает значительный отрезок времени в десять веков начиная с VII–VIII вв., когда появилась «Конституция в 17 статьях», приписываемая принцу Сётоку Тайси (ок. 574 – ок. 622) и первые японские комментарии к буддийским сутрам, и кончая последней четвертью XIX в. – временем знакомства японцев с западными философскими учениями. Для этого этапа характерны укоренение на японской почве заимствованных из Индии, Китая и Кореи буддийских, даосских и конфуцианских религиозно-философских учений, их интеграция с пантеистическими представлениями местной религии синто и развитие философии внутри различных школ, прежде всего буддийских и конфуцианских.

Когда речь идет о философии буддийских школ, подразумевается рефлексия в рамках собственно буддийской проблематики, отличной от позднейшей реконструкции буддийских текстов

под углом зрения западной философии. Это проблемное поле формировалось самими буддийскими мыслителями, преимущественно находящимися в русле дискурса «искусных средств», которые призваны привести к просветлению, экзегетики буддийских текстов – сутр и шастр, которые существовали в китайских версиях и требовали пояснений, а также полемики и критики. В связи с этим в рамках сотериологии происходило осмысление процесса индивидуального просветления как трансформации сознания, проблем соотношения «природы человека» и «природы Будды», двойственности истины, концепции «таковости» и т.д. В большинстве своем японские буддийские мыслители отвергали любые формы дуализма, в том числе дуализм трансцендентного и имманентного, абсолютного и феноменального уровней бытия, утверждая, что повседневная реальность, мир явлений, и есть конечная реальность, а также придерживались взгляда о неразделимости тела и сознания, единого и многого, внешнего и внутреннего, формы и содержания.

Особенностью японского буддизма, определившей его философскую проблематику, была сильно развитая уже на ранних этапах становления охранно-государственная функция, в том числе «умиротворение и защита государства», поддержание политической стабильности в стране с помощью буддизма [Игнатович 1987, 319].

Для буддийского мышления, прежде всего школы дзэн, в Японии было характерно применение особого рода логики, которую условно можно назвать логикой недвойственности или «тождества противоположностей». В этой логике процедура отождествления с применением связки *соку* 卽 нередко включала также противопоставление отождествляемых позиций. Школы Хоссо и Тэндай в своих религиозно-философских спорах широко применяли логику *иммё*, происходящую от индийской традиции *хетувидья*, или «логики оснований».

Конфуцианская мысль, которая получила интенсивное развитие в период Токугава в рамках целого ряда неоконфуцианских школ, отличалась практической направленностью, ее проблематика была сосредоточена в значительной степени в этико-политической сфере. Тем не менее неоконфуцианская парадигма объединяла законы мироздания и законы морали с помощью понятий «вселенского принципа» *ри*, воплощенного посредством формообразующей «пневмы» *ки* как в «природе» человека, так и в вещах. Таким

образом, в неоконфуцианской мысли присутствовали и теории самосовершенствования, основанные на постижении «принципа» внутри собственной природы, и эмпирико-рационалистические подходы, сосредоточенные на изучении принципа в вещах. К числу наиболее обсуждаемых проблем японского неоконфуцианства можно отнести проблемы надлежащего понимания добродетелей, прежде всего сыновней почтительности и лояльности, постижения истинной природы человека, соотношения «принципа» *ри* и формирующего начала *ки*, коллизии чувств и долга, взаимосвязи личного и общественного, знания и действия, пути достижения социальной гармонии и др.

Используя в качестве несущей конструкции заимствованную из Китая неоконфуцианскую парадигму и сохраняя ее относительную структурную целостность, японские мыслители наполняли ее новыми смыслами путем инкорпорации отдельных элементов других религиозно-философских систем, в результате чего неизбежно происходило смещение акцентов и изменение изначальной иерархии и направленности доктрин.

Для большинства классических философских сочинений в Японии, относящихся как к буддийской, так и к конфуцианской традициям, была характерна форма диалога – бесед различных людей с учителем. Эту форму можно наблюдать и в канонических текстах Сутта-питаки, созданных в Древней Индии. В конфуцианских классических книгах – «Лунь юе», «Мэн-цзы» и «Чжун юне» также присутствуют диалоги, хотя и более короткие, фрагментарные.

Собеседники в типичном японском философском тексте – это, как правило, нейтрально-любопытствующий гость, ученик, который ищет ответы на волнующие его вопросы, или другой ученый-оппонент, представляющий какую-либо иную школу, который высказывает свои аргументы.

До эпохи Мэйдзи метафизическая проблематика не была развита в Японии. Это объяснялось тем, что она не считалась важной как для буддизма, так и для большинства конфуцианских школ, и попытки описания и рационального объяснения устройства мира рассматривались как условные и имеющие относительную ценность. Буддийские учения в качестве аксиомы принимали непостижимость истинного бытия рассудочным путем с помощью обыденной логики, невозможность адекватного выражения его сущности с помощью понятий.

Второй этап. По времени второй этап в основном совпадает с периодом Мэйдзи (1868–1912) и знаменует собой выделение философии в самостоятельную область знания. Во вновь созданном в 1877 г. Токийском императорском университете началось преподавание философии как академической дисциплины. В 1884 г. в Японии появилось Философское общество, председателем которого стал Като Хироюки, а в 1887 г. был основан «Журнал философского общества». Шло активное изучение западной философии и проводились компаративистские исследования.

Происходила систематизация национальной духовной традиции, ее саморефлексия на основе применения понятийного аппарата и методологии западной философии. В рамках традиционных учений стала вычленяться ранее несвойственная им проблематика, предпринимался критический анализ буддийской и конфуцианской мысли с позиций новых подходов. Экзегетическая аргументация полностью уступила место логической, в арсенале которой появились методы западной логики, в том числе дедукции и индукции, получившие распространение благодаря Ниси Аманэ. Происходила своего рода реконструкция собственной философской традиции, благодаря чему она представляла уже в ином, модернизированном виде. Примеры подобного восприятия буддийской философской мысли можно наблюдать у таких ученых, как Иноуэ Энрё (1858–1919), Иноуэ Тэцудзиро (1856–1944), Киёдзава Манси (1863–1903) и Анэсаки Масахару (1873–1949).

В частности, японские мыслители периода Мэйдзи стали вычленять метафизику, или чистую философию, *дзюнсэй тэцугаку*. Иноуэ Энрё был первым философом, который стал говорить, что метафизика, как и философия, свойственны всем культурам без исключения. В своих трудах по конфуцианским школам Иноуэ Тэцудзиро характеризовал их в западных терминах как идеализм, монизм, дуализм. Таким образом, он, во-первых, попытался показать, что аналогичные теоретические рамки применимы и к восточным, и к западным мыслителям, и что они рассматривали сходные философские проблемы, и во-вторых, что восточные философии также являются частью истории мировой философии [Маральдо 2014, 200–216].

Вместе с тем освоение западной философии включало процесс перевода на японский язык философской терминологии. Поскольку в родном языке часто не было эквивалентов для новых понятий,

их приходилось изобретать, а иероглифическое письмо частично сохраняло старый смысл компонентов, из которых составлялись вновь образованные слова. Поэтому перевод научной терминологии исходя из смыслов собственной культуры, собственной языковой картины мира в определенной мере способствовал их сохранению при формировании философской лексики с помощью иероглифического письма. Таким образом, восприятие западной мысли было неизбежно опосредовано буддийскими и конфуцианскими концептами, которые стали своего рода строительным материалом для образования новых терминов. Так были широко задействованы такие понятия дальневосточной философии, как «природа» (яп. *сэй, сё* 性), «сердце-сознание» (*кокоро* 心), «принцип» (яп. *ри* 理) и т.д. Японский исследователь Сирай Масато приводит интересные примеры прямого заимствования учеными периода Мэйдзи НисиАманэ и Иноуэ Тэцудзиро лексики классических конфуцианских книг при формировании понятийного аппарата, используемого для перевода западных философских текстов. Так, он демонстрирует явное заимствование понятия «метафизика» (*кэйдзидзёгаку*, 形而上学) из «Книги перемен» («И цзин»), откуда для перевода данного термина берется характеристика *dao* как «того, что превосходит формы». Также он прослеживает связь японских терминов для понятий *a priori* (*сэнтэн*, 先天) и *a posteriori* (*котэн*, 後天) с фрагментом из «Книги перемен», находит прообразы понятий «дедукция» (*энъэки*, 演繹) в «Учении о середине» («Чжун юн»), «этика» (*ринригаку*, 倫理学) в «Книге ритуалов» («Ли цзи»), «категория» (*хантю*, 範疇) в «Книге писаний» («Шу цзин») и т.д. [Shirai 2016, 319].

Третий этап. В первой половине XX в. период изучения западной мысли как инородного знания высшего порядка в Японии завершился. Именно начало столетия стало тем самым рубежом, когда японские мыслители начали предпринимать попытки критического осмысления западных школ с точки зрения собственной духовной традиции, применяя понятийный аппарат и методологию западной философии.

Принципиально важным моментом стало появление в начале XX в. проблематики, общей для западной и для японской философии.

Японскую и западную мысль сближали стремление переосмыслить картезианскую парадигму, интерес к проблемам субъекта и антропологической проблематике. Человеческое бытие, рас-

сматриваемое с различных перспектив (эпистемологической, эгологической, этической и др.), оказалось в центре всех дискуссий [Карелова 2017, 11–12].

Уже в первой половине XX в. японские философы стали полноценными участниками философского диалога. Они не только слушали лекции в западных университетах, но и участвовали в семинарах и диспутах, вели переписку и обменивались идеями со своими западными коллегами, писали полемические труды, которые публиковались в том числе и на иностранных языках, занимались компаративистскими исследованиями.

Появились новые концепции и понятия, выражающие оригинальные подходы японских философов, в том числе концепции «логики места» и «абсолютно противоречивого тождества» Нисиды Китаро (1870–1945), «взаимоположенности» и «климата» Вацудзи Тэцуро (1889–1960), «коллективной субъективности» Хиромацу Ватару (1933–1994), а также современные идеи «транс-критики» Каратани Кодзина, «клинической философии» Васиды Киёкадзу и многие другие.

В связи с этим начиная с первой половины XX в. правомерно говорить не о заимствованиях и переносе той или иной западной концепции на японскую почву, а о взаимодействии идей, о рождении новых философских теорий через опровержение взглядов своих оппонентов, реакцию на те или иные вызовы.

Заключение

На разных этапах своего развития японская философия менялась, и в силу этого судить о японской философии в целом, исходя из особенностей какого-то одного, пусть даже и значительного по времени, периода, как это часто происходит, не всегда правомерно. Поэтому в заключение хотелось бы выделить такую принципиальную черту, которая могла бы охарактеризовать ее в целом.

В первом выпуске журнала «Японская философия» («Нихон-но тэцугаку») буддийский философ Киотоской школы Уэда Сидзутэру так выражает свое видение места японской философии в мировой философии: «Существует по крайней мере два аспекта, по которым “японская философия” может внести вклад в систему “мировой философии”. Понимание мира и индивида, происходящее в таком месте, как Япония, и достигаемое средствами японского языка, имеет своим истоком не только Японию, но и различные традиции, включая традиции Индии, Центральной Азии, Китая, Корейского

полуострова и др., которые заложили основы обширной незападной традиции. Они могут рассматриваться как значимая точка роста, стимулирующая формирование мировой философии. Далее, в отдельном месте, таком как Япония, происходит широкомасштабное столкновение и конфронтация между незападной традицией и культурой с продуктами западной цивилизации, которое продолжается более столетия, и накапливается огромный опыт взаимодействия» [Уэда 2000, 4].

Действительно, японская философия, которая развивалась на пересечении многих интеллектуальных традиций разных народов, уникальна по количеству источников и ресурсов, которыми она располагает, и отличается своей способностью адаптировать и трансформировать их, генерируя новые смыслы и оригинальные подходы в процессе интеллектуального межкультурного диалога.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Иноуэ 1987 – Иноуэ Энрё дзэнсю (Полное собрание сочинений Иноуэ Энрё). Т. 1. – Токио: Тоё дайгаку. 1987.

Накаэ 1970 – *Накаэ Тёмин*. Итинэн юхан (Полтора года) // Нихон-но мэйтё (Великие произведения Японии). Т. 36. – Токио: Иванами сётэн, 1970.

Ниси 1960 – *Ниси Аманэ*. Ниси Аманэ дзэнсю (Полное собрание сочинений Ниси Аманэ). Т. 1. – Токио: Мунэтака сёбо, 1960.

Маральдо 2014 – *Марарудо Дзён* (Маральдо Джон). Нихон-но киндай сёки-ни окэру сэйё тэцугаку-но сэсю (Проникновение западной философии в Японию Нового времени) // Кокусай Иноуэ Энрё кэнкю (Международные исследования Иноуэ Энрё) = International Inoue Enryō Research. 2014. № 2. С. 200–216.

Уэда 2000 – *Уэда Сидзутэру*. Нихон-но тэцугаку // Нихон-но тэцугаку (Японская философия). 2000. № 1. С. 3–5.

Игнатович 1987 – *Игнатович А.Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. – М.: Восточная литература, 1987.

Карелова 2017 – *Карелова Л.Б.* Ключевые мировоззренческие проблемы в японской философии XX в. (историко-философские очерки). – М.: ИФ РАН, 2017.

Cheung, Lam (eds.) 2017 – *Globalizing Japanese Philosophy as an Academic Discipline / Ed. by Ching-yuen Cheung and Wing-keung Lam.* – Goettingen, Germany: V&R unipress GmbH; Taipei: National Taiwan University Press, 2017.

Havens 1970 – *Havens T.R.H.* Nishi Amane and Modern Japanese Thought. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1970.

Heisig, Kasulis, Maraldo (eds.) 2011 – *Japanese Philosophy. A Sourcebook / Ed. by Heisig J.W., Kasulis T.P., Maraldo J.C.* – Honolulu: University of Hawaii Press, 2011.

Kanayama 2017 – *Kanayama Yasuhira Yahei*. The Birth of Philosophy as 哲学 (Tetsugaku) in Japan // *Tetsugaku*. 1917. Vol. 1. P. 169–183.

Shirai 2016 – *Shirai Masato*. The Rediscovery of Chinese Thought as “Philosophy” in the Japanese Meiji Period // *Journal of International Philosophy*. 2016. Vol. 5. P. 319–324.

Yusa 2014 – *Yusa Michiko*. Inoue Enryō’s 1887 Position Statement on Philosophical Studies in Japan // *Kokusai Inoue Enryō kenkyū = International Inoue Enryō Research*. 2014. Vol. 2. P. 167–180.

REFERENCES

Ching-yuen Cheung & Wing-keung Lam (Eds.) (2017) *Globalizing Japanese Philosophy as an Academic Discipline*. Goettingen, Germany: V&R unipress GmbH; Taipei: National Taiwan University Press, 2017.

Heisig J.W., Kasulis T.P., & Maraldo J.C. (Eds.) (2011) *Japanese Philosophy. A Sourcebook*. Honolulu, Hawaii: University of Hawaii Press.

Havens T.R.H. (1970) *Nishi Amane and Modern Japanese Thought*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Ignatovich A.N. (1987) *Buddhism in Japan. Essay on Early History*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Inoue Enryō (1987). *Inoue Enryō Complete Works*. Vol. 1. Tokyo: Toyo daigaku (in Japanese).

Kanayama Yasuhira Yahei (2017) The Birth of Philosophy as 哲学 (Tetsugaku) in Japan. *Tetsugaku*. Vol. 1, pp. 169–183.

Karelova L.B. (2017) *Key Worldview Problems in the Twentieth Century Japanese Philosophy (Essays on History of Philosophy)*. Moscow: IFRAN (in Russian).

Maraldo John (2014). Nihon no kindai shoki ni okeru seiyō tetsugaku no sesshu [Notes on the Early Japanese Appropriation of Western Philosophy]. *Kokusai Inoue Enryō kenkyū = International Inoue Enryō Research*. Vol. 2, pp. 200–216 (in Japanese).

Nakae Chomin (1970) *Ichinen yuhan* [One year and half]. Nihon-no meicho [The Masterpieces of Japan]. Vol. 36. Tokyo: Iwanami shoten (in Japanese).

Nishi Amane (1960). *Nishi Amane Complete Works*. 1960. Vol. 1. Tokyo: Munetaka shobō (in Japanese).

Shirai Masato (2016) The Rediscovery of Chinese Thought as “Philosophy” in the Japanese Meiji Period. *Journal of International Philosophy*. Vol. 5, pp. 319–324.

Ueda Shizuteru (2000). Nihon-no tetsugaku [Japanese Philosophy]. *Nihon-no tetsugaku = Japanese Philosophy*. 2000. No. 1, pp. 3–5 (in Japanese).

Yusa Michiko (2014) Inoue Enryō’s 1887 Position Statement on Philosophical Studies in Japan. *Kokusai Inoue Enryō kenkyū = International Inoue Enryō Research*. Vol. 2, pp. 167–180.